

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ И ДРУГИХ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

УДК 159.9+159.922.7

Волохова Валентина Игоревна

*старший преподаватель кафедры социальной психологии и виктимологии
факультета психологии, Новосибирский государственный
педагогический университет, Новосибирск, Россия, nargiza113@yandex.ru*

«НЕАДЕКВАТНОЕ» РОДИТЕЛЬСТВО ИЛИ ЛОВУШКИ РОДИТЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ

Аннотация. На каждом этапе развития существует и существовала своя специфика детско-родительских отношений. Общество на разных этапах развития должно было «договориться», когда ребенок перестает считаться ребенком, как нужно воспитывать ребенка и что такое родительская любовь. В статье рассматривается проблема современного родительства, включающая в себя аспекты непрямого абьюза, и скрытые, порой социально приемлемые формы гиперпротекции, невнимания к ребенку, неконструктивных родительских посланий. Отмечается, каким образом обозначенный спектр поведения родителя оказывает влияние на психику ребенка.

Ключевые слова: неадекватное родительство, абьюз, жестокое обращение, гиперпротекция, гипопротекция.

Volokhova Valentina Igorevna

*Senior lecturer, Department of social psychology and victimology,
Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia, nargiza113@yandex.ru*

«INADEQUATE» PARENTING OR THE PITFALLS OF PARENTAL LOVE

Abstract. There is a certain specificity of parent-child relationships at each stage of development. There should be an agreement in society regarding aspects of upbringing and nurturing care for children, at what point a child is not considered a child anymore, and what a parental love means. The article deals with a parenthood issue in modern society, that may include intentional and unintentional abuse, over-protective and under-protective strategies for parenting, as well as helicopter parenting and non-constructive parental messages. Parenting attitudes and their effects on children's development discussed.

Keywords: inadequate parenting, abuse, ill-treatment, hyperprotection, hypoprotection.

Категория «детство» является социально-сконструированным понятием. Концепция социального конструирования детства позволяет охарактеризовать сложные взаимосвязанные процессы трансформаций детства на макросоциальном и микро-социальном уровнях, доказывает, что границы детства, его позиция в обществе не остаются неизменными, а зависят от конкретных исторических, социально-экономических и других обстоятельств развития общества [4]. Исследования Ф. Арьеса [1], Л. де Моза [14], Л. Стоуна [15], Н. Постмана [10], К. Калверта [8] касаются анализа

смены отношения к детству, деторождению, системе детско-родительских отношений. С одной стороны, тотальная смена представлений и отношения к ребенку (говоря об эпохе детоубийства, когда ребенка можно было купить, продать или отдать за долги), снижение детской смертности (хорошо, если из 15 детей выживали 3) и отношение к беременности и родам (в современной медицине новорожденного спасают любой ценой, весом от 300 грамм в специальных инкубаторах), с другой стороны, разве смена этих представлений не дает нам право говорить о «культе ребенка»? И тогда, в этом «культе», разве ребенок не оказывается в позиции максимально комфортной?

Если в период Инфантицидного периода воспитания (с древности до IV в. н. э.) было нормальным для племени убить ребенка, потому что год был неурожайным и нужно было прокормить взрослое племя, то в настоящее время, говоря о жестоким обращении с детьми и подростками, давно не ограничиваются детоубийством и даже физическим или инцестуозным абюзом. Жестокое обращение с ребенком – это целый спектр родительского поведения, включающий в себя физическое и / или эмоционально жестокое обращение, сексуальное насилие, пренебрежение, невнимание и эксплуатацию в коммерческих или иных целях, что приводит к нанесению реального или потенциального вреда здоровью, выживаемости, развитию или достоинству ребенка в контексте взаимосвязи ответственности, доверия или власти [6]. Жестокое обращение – это не только нанесение увечий, но и оказание невнимания к потребностям ребенка, к уходу за ним, пренебрежение его правами и свободами.

Уже с XX в. исследователи отмечают возникновение «века ребенка». Это выражается в признании того, что будущее любой нации зависит от благополучия и подготовки ее детей. Так называемые науки о детях, включающие педиатрию и отдельные разделы психологии и психиатрии, получили широкое признание и стали официально признанными практическими и теоретическими дисциплинами. Произошло то, что само детство, по-видимому, во многих отношениях стало протяженнее и как-то «безопаснее», а дети достигли лучшего статуса как в семье, так и в обществе в целом.

В настоящее время к факторам риска насилия в отношении детей на уровне близкого окружения относятся: недостаток эмоциональных привязанностей, плохое выполнение родителями своих обязанностей, нарушение функций семьи и ее распад, присоединение к группе сверстников с антиобщественным поведением, присутствие при актах насилия в отношении родной или приемной матери, а также ранний или принудительный брак [13].

В связи таким пониманием искаженных детско-родительских отношений все чаще можно услышать терминологию «неадекватное родительство». Этот термин означает обращение со своими детьми в такой манере, которая угрожает чувству их личного достоинства, предъявление требований, не соответствующих возрасту и потребностям ребенка, ориентацию только на собственные чувства и переживания. Неадекватное родительство не ограничивается тем, что ребенка физически наказывают, принуждают или над ним совершается какое-либо насилие, т. е. совершение какого-либо действия по отношению к ребенку. Мы говорим о не менее разрушительном воздействии на психику ребенка через бездействие. Причем бездействие рассматривается через категорию невнимания к ребенку. Недостаточно просто удовлетворять витальные потребности ребенка, важно чтобы значимый взрослый «увидел» в ребенке личность, наделил эту личность местом в семейной

системе. Вот почему за ширмой социального благополучия может скрываться история «невидимого» ребенка.

Так, например, к такому типу будут относиться контролирующие родители. Контролирующие родители «не видят» своих детей. Такая формулировка становится спорной при первом столкновении с ней, поэтому необходимо более детальное рассмотрение этого вопроса. При первом приближении окружению может показаться, что вся жизнь родителя сосредоточена на ребенке, родитель все свободное время посвящает ему, зачастую вообще все время, отказываясь от работы или от личной жизни. Слова-маркеры такого родителя звучат как «мы поступили в институт», «мы заболели», «мы усиленно изучаем математику, чтобы подготовиться к ЕГЭ». В таких детско-родительских отношениях непонятно, где «заканчивается» родитель и где «начинается» ребенок (размытие границ). Такое слияние не обнаруживает у ребенка его желаний. За него все время кто-то что-то хочет, объясняет, почему это нельзя хотеть, а другое хотеть можно. Важный такт развития психики – появление *субъекта желающего*, здесь не находит своего развития, так как нет нехватки («субъект желающий», по Ф. Дольто, – испытывающий нехватку [5]). Невнимание родителей к желаниям ребенка, отказ от его восприятия в качестве субъекта желающего могут привести к тому, что он превратится в робота, станет ребенком-вещью, «овеществится» [2].

Когда контроль становится патологичным? Тогда, когда забота переходит в доминирование, преследование; когда забота касается только переживаний родителей, а не потребностей детей; когда не происходит учет индивидуально-личностных особенностей ребенка (темперамента, характера, социокультурных особенностей): «Ты должен был прибежать первым», «Ты должен быть общительным». Такие родители не радуются успехам детей, этих успехов всегда недостаточно (например, золотая медаль недостаточно «золотая», так как есть две четверки в аттестате). Родитель сфокусирован на своих переживаниях, а не на желаниях ребенка.

К неконструктивным посланиям подобного рода относится и довольно распространенное: «Ты должен учиться только на пятерки». Если переструктурировать фразу не о том, какие оценки сегодня получил ребенок, а, например, что нового сегодня он узнал, меняется фокусировка смысла. В первом варианте на первый план выступают потребности родителя, а во втором – потребности ребенка.

Деньги как способ контроля. Ю. Б. Гиппенрейтер описывает пример, где отец своей дочке, которая окончила институт, говорит, что слишком любит ее, чтобы продолжать финансово ее обеспечивать, что она уже достаточно взрослая и должна справляться с финансовым вопросом самостоятельно [3]. Для современного родителя такая постановка вопроса может показаться странной или даже жестокой. Если достаточно любишь своего ребенка, то отдашь ему все что есть, тем более, если есть финансовая возможность помогать ему, не смотря на возраст. Но ловушка заключается в том, что ребенок, отделяясь от родительских фигур, должен ощутить «нехватку», благодаря которой он обретает финансовую самостоятельность. В таком случае происходит подмена понятия «любовь» другими социально приемлемыми проявлениями, например, финансированием достаточно взрослого ребенка. Но в логике психического развития все наоборот – выражение любви заключается в том, что родитель «достаточно любит своего ребенка и отрывает его от родительской груди». В рамках его психического становления важным является слово значимого Другого («У тебя получится», «Ты достаточно имеешь знаний, чтобы реализовать свой потенциал») вместо готового финансового продукта. Вместо этого

звучат такие родительские послылы, как «Никогда не переставай во мне нуждаться» или «Никогда не становись взрослым(ой)» [11]. В этом случае для родителя ребенок – это своеобразный «ребенок-капитал», товар, предприятие, в которое выгодно вкладывать деньги как беспроигрышное средство реализации родительских амбиций [7]. Коэффициентом семейного равновесия выступает беспомощность ребенка. Она проявляется в способности ребенка (взрослого Ребенка) заработать деньги, чего-то достигать, быть успешным в своем понимании, а не в понимании родителя, быть в принципе психологически взрослым.

Здесь мы можем обратиться к исследованиям М. Гулдинг и Р. Гулдинга, которые выделили *родительские приказания* (иногда их еще называют предписаниями). К ним относятся такие, как: «Не живи», «Не будь собой», «Не будь ребенком», «Не расти, оставайся маленьким», «Не будь успешным», «Не делай», «Не будь первым», «Не принадлежи», «Не будь близким / эмоционально близким», «Не будь здоровым», «Не думай», «Не чувствуй по отношению к себе» [9]. Конечно, эти предписания, правила или убеждения не звучат в родительской системе открыто и осознанно. Ни одному нормальному родителю не придет в голову сказать своему ребенку «Не живи». Но действия, которые несут за собой скрытый смысл, будут это подразумевать. В таких детско-родительских отношениях боль становится основой построения отношений вообще. Страшно отказаться от боли, ведь эмоциональная связь, имеющая основу страданий и горечи, – это очень крепкая основа. Вследствие такого родительского поведения у ребенка формируется толерантность к жестокому обращению.

Итак, в настоящее время мы понимаем любовь к ребенку как не простое удовлетворение его витальных потребностей, а подразумеваем формирование эмоционально близких отношений. Так, для адекватного развития психического аппарата ребенка, да и личности в целом, требуется «нехватка», «дефицит». Современные подростки и молодежь все чаще задаются вопросом: «А зачем мне что-то делать, к чему-то стремиться, если у меня все есть?». В этом случае речь идет о материальных ценностях. В понимании родителя «Я хочу, чтобы мой ребенок ни в чем не нуждался» приобретает двусмысленный посыл. «Ни в чем не нуждался» – это в чем? Речь идет о материальных ценностях – квартире, платном образовании, машине, модном телефоне или о любви, заботе и принятии? В этом вопросе интересной представляется работа В. Франкла «Страдание от бессмысленности жизни» [12]. Идея размышлений заключается в том, что количество суицидов растет не потому, что жизнь стала невыносимой, сложной или тяжелой. Дело в том, что смысл жизни, который пропагандируется в СМИ, родительскими фигурами, обществом в целом, сводится к удовлетворению материальных потребностей, а не приобретению смыслового содержания. Например, после того как человек купил сотовый телефон последней модели, зарабатывая на него сверхурочно и жертвуя времяпровождением со своими близкими, через совсем непродолжительное время с экранов телевизоров реклама гласит, что эта модель устарела и нужно покупать новую. «Гонка» за приобретением материальных ценностей как маркеров социальной успешности, упускает пласт смыслового содержания и эмоционального наполнения детско-родительских отношений.

Ловушка послушания заключается в том, что быть другим (не таким, каким хочешь видеть своего ребенка «токсичный» родитель) – значит быть плохим. Ребенок действительно оказывается в ловушке, изобретая поведенческие или соматические симптомы как способ заявить о себе, о своих желаниях и потребностях, привлечь

внимание к себе не всегда конструктивным способом, с точки зрения социализации или его «удобства» для взрослых. Тогда родители делают за детей то, что дети уже могут делать сами, или требовать от них то, что они пока еще не могут.

Скелет психики – это череда идентификаций со значимыми взрослыми (значимым Другим), а чувства и эмоции – это мышцы, на которых держится этот скелет. Ребенок воспринимает мир через слова Другого, воспринимает себя через те слова, которые говорят ему о нем другие (Ч. Кули, Дж. Мид, Т. Шибутани и др.). Существование Другого оказывается определяющим для формирования «Я». Но кто этот «Другой»? Компетентен ли он в вопросах воспитания детей, какой опыт привязанности имеет, какова его мотивация родительства?

Вопрос неадекватного родительства требует дальнейшего изучения и рассмотрения, в связи с появлением новых информационных технологий и технического прогресса, а также виртуальности реальности как современного способа «ухода» из детско-родительских отношений.

Список литературы

1. *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 415 с.
2. *Брами Э., Деларош П.* Французское воспитание. Метод мадам Дольто. М.: Эксмо, 2016. 272 с.
3. *Гиппенрейтер Ю. Б.* Общаться с ребенком. Как? М.: АСТ, 2014. 304 с.
4. *Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: тематический словарь-справочник* / отв. ред. Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2018. 638 с.
5. *Дольто Ф.* На стороне ребенка. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2017. 720 с.
6. *Жестокое обращение с детьми* [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment> (дата обращения: 05.10.2019).
7. *Зайдаль Т. В.* Причины кризиса детства и новый образ ребенка // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы Междунар. научно-практич. конф. Минск: БГУ, 2014. С. 129–134.
8. *Калверт К.* Дети в доме. Материальная культура раннего детства, 1600 – 1900. М.: НЛО, 2009. 288 с.
9. *Макаров В. В., Макарова Г. А.* Транзактный анализ – восточная версия. М.: Академический Проект: ОППЛ, 2002. 496 с.
10. *Постман Н.* Исчезновение детства // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 17–30.
11. *Форвард С., Бак К.* Вредные родители. СПб.: Питер, 2015. 336 с.
12. *Франкл В. Э.* Страдания от бессмысленности жизни. Актуальная психотерапия. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2018. 96 с.
13. *INSPIRE: семь стратегий по ликвидации насилия в отношении детей* [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/207717/9789244565353-rus.pdf?sequence=7> (дата обращения: 14.10.2019).
14. *The History of Childhood* / ed. Lloyd de Mause. New York, 1974. 450 p.
15. *Stone L.* The past and the present. Boston, 1981. 274 p.

